

Сюэ Фэйфэн, увидав, что Шэнь Цинжань вернулся, с каким-то заискивающим видом гордости за свой труд ждал похвалы: сегодня он приложил немало сил, чтобы сделать для Шэнь Цинжаня бамбуковую кровать и сеяльное сиденье — янма.

По виду янма напоминала деревянную лошадку, но с широким плоским основанием из доски, чьи концы были слегка загнуты вверх, а спереди и сзади проделаны отверстия для веревок. Вообще янма служит ездовым сиденьем для работы на затопленных рисовых полях — обычно на нем сидят, когда высаживают рассаду. Но то сиденье, что Сюэ Фэйфэн смастерил для Шэнь Цинжаня, было в несколько раз больше обычного и походило на маленькую лодочку. Сюэ Фэйфэн мог тянуть за веревку впереди, а Шэнь Цинжань — восседать сверху и сеять зерно. Чем-то это смахивало на выгул собачки.

Чтобы Шэнь Цинжаню было удобно сидеть, Сюэ Фэйфэн даже приладил со всех четырех сторон перила — из опасения, что тот не удержится и со всего размаху брякнется головой прямо в грязь. Он даже помышлял водрузить сверху зонт от солнца.

Словом, продумал всё до мелочей и вложил всю душу.

Оставалось лишь покрыть эти две вещи лаком. А поскольку янма требовалась уже завтра, затянуть с покраской было нельзя. Сюэ Фэйфэн помедлил и крикнул Шэнь Цинжаню, находившемуся в доме:

— Ты никуда не уходи, а я сбегая к плотнику кое-что докупить.

— Иди-иди, — донеслось из комнаты. Шэнь Цинжань сидел на корточках перед шкафом и судорожно размышлял, что же ему взять с собой.

Вся одежда куплена на деньги Сюэ Фэйфэна, и забрать её — значит проявить жуткое бесстыдство и слабоволие! Но и оставлять бессмысленно: вдруг Сюэ Фэйфэн перешьёт ее на пеленки для своего будущего сына?

Пеленки!

Шэнь Цинжань до того расвирепел от собственного прогноза, что едва не задохнулся от обиды. До чего же жаль себя! Он уж точно не останется здесь стирать чужие обгаженные пеленки!

По сравнению с темной грубой одеждой Сюэ Фэйфэна наряды Шэнь Цинжаня, висевшие рядом, казались почти королевскими: небесно-голубой, лунно-белый, индиго, цвет свежеснежного покрова... Сюэ Фэйфэну нравилось покупать Шэнь Цинжаню светлые вещи — так было проще всего определить, вляпался ли тот за день в какие-нибудь неприятности.

Шэнь Цинжань сгреб две-три смены одежды и увязал их в синий узелок с мелкими цветочками, припрятав туда же сверток с сухим пайком.

Он взял кисть, вознамерившись оставить пару строк, но понял, что писать особо и нечего. Все, что хотелось сказать, он уже и так выложил Пань Юньси перед прошлым побегом. Но уходить молча не позволяло упрямство, поэтому он гневно нацарапал: «Счастливого второго брака! Желаю скорейшего рождения первенца. Через четыре года встретимся у въезда в деревню — верну долг».

Шэнь Цинжань засунул записку в самую заметную щель входной двери и сердито удалился.

Настоящий мужчина должен заниматься своей карьерой, а не цепляться целыми днями за Сюэ Фэйфэна! Прокручивая в голове эту мысль, Шэнь Цинжань вновь ступил на горную тропу.

Сюэ Фэйфэн вернулся очень быстро. Еще даже не успев толкнуть дверь, он заприметил одинокую фигуру Шэнь Цинжана, с узелком за плечами уходившего прочь.

Его ладонь сжалась на дверном косяке так сильно, что по дереву с треском побежала трещина. Он с невыносимым изумлением смотрел на эту сгорбленную, явно обиженную спину.

Он еще и обижается, сбегаю из дома!

На лбу Сюэ Фэйфэна вздулись и запульсировали жилы. Он искренне не понимал, почему Шэнь Цинжань раз за разом устраивает подобные фокусы.

Он ведь не принуждал его к поцелуям, не затаскивал в постель, даже о своих чувствах не смел заикнуться! Чтобы подтолкнуть этого недотепу к прозрению, приходилось намекать с предельной осторожностью — боясь переборщить, боясь недожать, боясь, что всё закончится катастрофой!

Колебался, взвешивал каждый шаг... Даже на поле боя бывал момент для решительного броска, но Сюэ Фэйфэн никогда еще в жизни с таким безграничным терпением не ждал отклика! А этот пакостник Шэнь Цинжань чуть что — сразу устраивает побеги из дома! Проверяет его сердце на прочность, надеясь довести до инфаркта?!

Дрожащий листок упал на землю. Сюэ Фэйфэн даже смотреть не хотел на то, что там снова нацарапал Шэнь Цинжань, — ему хотелось лишь сцапать беглеца и всыпать ему как следует, чтобы наконец проучить!

Бумага сложилась пополам, выставив наружу два слова: «верну долг». Сюэ Фэйфэн ничуть не удивился и лишь холодно усмехнулся. Ему что, сдались эти гроши?!

Фраза «отработаешь долг телом» мгновенно овладела его разумом, подобно степному пожару. Она сожгла дотла остатки терпения, мягкости и милосердия, подняв из глубин души раскаленную лаву, которая с грохотом вырвалась наружу.

Распоряжавшийся жизнями и смертями, несший на своих плечах реку пролитой крови, Сюэ Фэйфэн вспомнил клевету столичных чиновников, звавших его «дикарем и кровопийцей». Он бросил взгляд на удаляющуюся фигуру Шэнь Цинжана и намеренно дал волю тлевшим внутри диким, первобытным чувствам.

И как раз в тот миг, когда Сюэ Фэйфэн решил, что с него хватит и теперь-то он ни за что не сжалится, со двора донесся собачий лай.

Звук шел со заднего двора.

Шэнь Цинжань не забрал собак.

Сюэ Фэйфэна озарила одна догадка. Он поднял с земли прощальное письмо и, прочитав насквозь пропитанные обидой слова «второй брак», увидел, как кроваво-красный отблеск в его глазах спал, сменившись едва заметной улыбкой и тонким расчетом.

Сжав ладонь, он смял бумагу в комок, и благодаря искусству цингун без труда догнал Шэнь Цинжана на горной тропе.

Шэнь Цинжань повел ухом. Ощувив приближение знакомого дыхания, он боязливо вжал голову в плечи.

Сюэ Фэйфэн неспешно шел следом, словно гулял по саду. Его взгляд скользил по белоснежному заграву Шэнь Цинжана и опускался ниже. Наблюдая, как тот спотыкается, но из упрямства не хочет поворачивать головы, он дернул уголок губ, сделать над собой усилие и не расхохотавшись во весь голос.

— Ты куда держишь путь? — поинтересовался Сюэ Фэйфэн.

Находясь под его пристальным взглядом, Шэнь Цинжань чувствовал себя рыбой на разделочной доске. Услышав вопрос, он чуть опустил плечи и, преувеличенно внимательно смотря под ноги, буркнул:

— Пойду покорять мир. Заодно и комнату освобожу.

«Освобожу место для твоей свадьбы!»

Это звучало слишком уж ревниво и ядовито, поэтому Шэнь Цинжань удержал фразу при себе.

— Понятно, — кивнул Сюэ Фэйфэн с таким видом, будто спросил про погоду.

Он просто шел сзади, не зовя его домой и не предлагая нести узелок — словно обычный телохранитель, сопровождающий его на выходе из гор.

Да что Сюэ Фэйфэн себе думает?! У Шэнь Цинжана глаза налились слезами: раз не удерживает, зачем тогда тащится сзади? У него уже ноги подкашиваются, а остановиться первым — стыдоба-то какая!

Когда они дошли до того места, куда Шэнь Цинжань добрался в свой самый первый побег, Сюэ Фэйфэн внезапно спохватился и дружелюбно напомнил:

— А как же собаки? Если оставишь их дома, кто их кормить будет?

Шэнь Цинжань замер. Впервые повернувшись к нему, он метнул на Сюэ Фэйфэна исполненный гнева и обиды взгляд и с расстановкой отчеканил:

— Я... вернусь... за ними.

— Угу, — Сюэ Фэйфэн бесстрастно поплелся за ним обратно.

Шэнь Цинжань поправил лямку узелка. Плечи норовили отвалиться от боли — знал бы, вообще не брал бы одежду! Ну конечно, Сюэ Фэйфэн только и умеет, что удерживать его собаками. Он насквозь раскусил его замысел и ни за что не поддается!

Видя, как тот потирает затекшее плечо, Сюэ Фэйфэн дернул рукой, но пересилил себя и не стал помогать.

Шэнь Цинжань со всеми предосторожностями вернулся назад, отвязал от дерева поводки десяти глуповатых псов и упрямо отправился по тому же маршруту.

Глупые псы решили, что Шэнь Цинжань повел их на обычную прогулку. Увидев знакомую горную тропу, они без всяких команд с радостным лаем понеслись вперед, выжав из Шэнь Цинжана последние силы. В итоге он на бегу просто бросил свой узелок.

Сюэ Фэйфэн подобрал вещи и терпеливо шел сзади, наблюдая, как запыхавшийся Шэнь Цинжань с мокрой от пота мордашкой мчится за собачьей стаей. Когда свора приволокла его к тому самому памяtnому месту, где они впервые поцеловались, Сюэ Фэйфэн наконец сжалился и окликнул его.

Шэнь Цинжань умоляющим взглядом уставился на Сюэ Фэйфэна, надеясь, что тот прикрикнет на дурацких псов и урезонит их.

«Хватит бежать, я больше не могу...»

Сюэ Фэйфэн сжал волю в кулак и проигнорировал его немой призыв:

— Ой, кажется, ты еще двух коров забыл взять?

Шэнь Цинжань: «...»

Его губы скривились: у него просто не осталось сил снова тащиться назад! Теперь-то он окончательно понял — Сюэ Фэйфэн делает это нарочно! Мало того, что не удерживает, так еще и издевается над ним при помощи собак и коров!

Нарочно ждал, пока он дойдет до одного и того же места, и нарочно разбил свои напоминалки на два раза!

Глаза Шэнь Цинжана покраснели и заволоклись влажным блеском. Он по-детски свирепо уставился на Сюэ Фэйфэна, не произнося ни слова и даже не вытирая слез — точь-в-точь рассерженный олененок.

Неужели так терпится выгнать его за порог?! Настолько, что даже приведенным им собакам и коровам места в доме не нашлось!

«Только новой женушке улыбается, а слез прежней даже видеть не хочет! До чего же Сюэ Фэйфэн плохой...»

Сердце Сюэ Фэйфэна сжалось от внезапной боли. Посчитав, что урока с него сполна достаточно, и больше не в силах мучить Шэнь Цинжана, он сбросил наигранное равнодушие, и в его глазах прорвалась безграничная нежность и сострадание.

Он прижал Шэнь Цинжана к себе и подушечкой пальца смахнул его слезу:

— Не плачь.

Шэнь Цинжань уткнулся лицом в его плечо, вытирая слезы, закусил губу, но в конце концов не сдержался и навзрыд разрыдался.

Тихое, прерывающееся всхлипывание, пропитанное неразстворимой обидой, разносилось и таяло в горном ветре.

Сюэ Фэйфэн впервые слышал, чтобы Шэнь Цинжань плакал вслух. В обычные дни одной упущенной слезинки хватало, чтобы повергнуть его в панику, а тут он и вовсе растерялся: ему хотелось поглотить все эти рыдания и баюкать его в океане ласки. Он и раскаивался, и просил прощения:

— Я виноват, Цинжань, не следовало мне над тобой подшучивать. Не плачь, у меня сердце разрывается.

Сюэ Фэйфэн довел Шэнь Цинжаня до слез, но вовсе не думал, что стоит его успокоить — и на этом все закончится. Каждое из этих всхлипываний, растворяющихся в горном ветре, невозможно было утихомирить словом или поймать рукой — в них звучало самое настоящее горе и боль, обнажавшие его бессилие. Как бы хорошо он ни относился к Шэнь Цинжаню в будущем, пролитых слез уже не загладить.

Не зная, что еще сделать, он накрыл губы Шэнь Цинжаня ладонью — и был готов с радостью потерпеть, если тот его укусит. Говоря самым нежным и прочувствованным тоном, на какой только был способен, он ласково шептал:

— Ну как я мог тебя отпустить? Мне же духу не хватит, я просто бес попутал! Жань-жань, милый, не плачь, у меня душа за тебя болит, сокровище мое... Не будет у меня в этой жизни никого другого. Я до безумия люблю тебя, а сказать не смел.

Видя, что Шэнь Цинжань все еще плачет, Сюэ Фэйфэн нагнулся и вобрал в губы его губы, самым простым и властным образом заглушив все звуки.

Те же пейзажи, те же люди.

Любовь не угасла ни на йоту, разгораясь лишь пуще прежнего — словно первые весенние почки на ветвях, вспыхивающие гроздьями зеленого огня. Стоило повеять весеннему ветерку, как за одну ночь все горы охватил трепет нежной влюбленности, украшая старые деревья молодой зеленью, заставляя молодые деревца зацветать, а влюбленных — краснеть до ушей.

Шэнь Цинжань зажмурился. Его влажные ресницы дрожали, пока он отвечал на страстный поцелуй Сюэ Фэйфэна. Лишь когда воздуха в груди совсем не осталось, он попытался оттолкнуть от себя этого завоевателя.

Вырвавшись из крепких объятий Сюэ Фэйфэна, он уткнулся лбом в его грудь, жадно ловя воздух. Его щеки пылали ярче дикого персика.

— Ты чего это без разбору целуешься?! Я в этот раз пить не хотел! — перешел Шэнь Цинжань в наступление.

«И еще разбрасываешься признаниями!»

Сюэ Фэйфэн мягко погладил Шэнь Цинжаня по спине, помогая перевести дыхание:

— Только ты и можешь убеждать себя, будто это утоляет жажду. Почему же мне кажется, что пить хочется еще сильнее?

Сюэ Фэйфэн решил ковать железо, пока горячо:

— С чего ты взял, будто я женюсь, и почему собрался уходить? Боялся, что мне негде будет тебя поселить? Шэнь Цинжань, ты хоть иногда можешь пораскинуть мозгами, спросить меня напрямую... да и пожалуй меня тоже?

Шэнь Цинжань пристально посмотрел на него. Кажется, до него дошло, почему Сюэ Фэйфэн издевался над ним.

Но его все еще волновала утренняя история со свахой. Раз уж они поцеловались, неужели Сюэ Фэйфэн собирается сидеть на двух стульях?

— А зачем тогда ты смастерил ту деревянную лошадку для детей?

Сюэ Фэйфэна осенило, и он не знал, смеяться ему или плакать:

— Откуда тут взяться ребенку... Это янма — сеяльное сиденье для тебя.

Шэнь Цинжань густо покраснел:

— А зачем тогда ограждение со всех четырех сторон? Я же не маленький!

Сюэ Фэйфэну даже отвечать не пришлось — Шэнь Цинжань сам всё понял.

Его приняли за несмышленного ребенка... Какой стыд!

Сюэ Фэйфэн приподнял лицо Шэнь Цинжана за подбородок:

— Ты так и не ответил мне.

Он считал, что проявляет отменное терпение и дал Шэнь Цинжаню более чем достаточно времени. Кабы не лай этих глупых собак в критический момент, давшая ему понять, что Шэнь Цинжань вовсе не всерьез решил уйти (иначе бы не бросил собак и коров), он бы прямо сейчас Шэнь Цинжана...

Цыц.

Шэнь Цинжань замялся:

— Давай... давай вернемся.

Сюэ Фэйфэн закончил за него:

— Выходит, согласен стать моей женушкой?

Шэнь Цинжань снова уткнулся лицом в грудь Сюэ Фэйфэна, долго потираясь носом, и упрямо буркнул:

— Я возвращаюсь только ради того, чтобы сажать урожай!

Сюэ Фэйфэн запечатлел поцелуй на его губах. Шэнь Цинжань не увернулся, и улыбка в глазах Сюэ Фэйфэна стала еще теплее:

— Я понял.

Шэнь Цинжань взобрался к нему на спину. Все его дневные хитрости и уловки с треском провалились, и от смущения он перешел в нападение:

— Чего смеешься?! Я правда ради огорода!

«Душа болит за народ и урожай, никакой личной романтики!»

— Угу.

Шэнь Цинжань сегодня ненавидел это слово «угу» больше всего на свете!

<http://bllate.org/book/17933/2038587>